

INSPIRIA

УБИЙСТВО

ДЭВИД БУШМАН

УТИЛЗ-

МАРК ГИВЕНС

ПОНД

Реальная история,
легшая в основу «Твин Пикс»

 INSPIRIA

Дэвид Бушман, Марк Гивенс
Убийство у Тилз-Понд
*Реальная история, легшая в основу «Твин
Пикс»*

David Bushman, Mark Givens

MURDER AT TEAL'S POND:

HAZEL DREW AND THE MYSTERY THAT INSPIRED TWIN PEAKS

Copyright © 2021 by David Bushman and Mark T. Givens

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest
Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

© Самуйлов С. Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

* * *

Бетти Калхун, рассказчице

Предисловие

Какая первая «история о привидениях» вам запомнилась? Та, что оставила отметины, если не шрамы. Та, от которой повеяло странным холодком смерти.

Свою я услышал от бабушки по материнской линии. Слова «яркая» и «странная» описывают ее лишь в незначительной степени, она – более чем подходящий пример архетипа старухи, одного из вечных мифологических проводников в подземный мир. Бывшая глава музыкального отдела ФМП^[1] и одна из основателей УСС^[2] в Лондоне во время Второй мировой войны, Бетти Лоусон Калхун была блестящей, сложной и заядлой выдумщицей.

Семья у нее была городская, отец был опытным инженером и профессором Политехнического института Ренсселера (ПИР) в Трое, штат Нью-Йорк, в то время процветающем промышленном центре, расположенном вверх по реке от Олбани. Когда пандемия испанского гриппа опустошила страну в 1918 году, Томас Лоусон перевез свою жену и двух маленьких дочерей в сельскую местность. На необжитом лесистом плато в двадцати милях к юго-востоку от города, неподалеку от берегов идиллического горного озера, он купил ветхий фермерский дом восемнадцатого века. Томас превратил его в солидный особняк из десяти комнат, скупил бóльшую часть необработанных земель вдоль береговой линии, построил дороги и ветряную мельницу и, продавая участки или бревенчатые домики друзьям и коллегам, в скором времени создал активное сообщество из представителей высшего среднего класса, собиравшихся для летнего отдыха.

Жизнь счастливых семейств на берегах этого озера изменилась навсегда и к лучшему. Для представителей окружающего местного народа, жившего на этом плато в изоляции в течение семи поколений, не изменилось почти ничего. Они работали на

новоприбывших, но держались от них на расстоянии, живя тяжким трудом с земли, заготавливая лес, производя древесный уголь и перегоняя, во время «сухого закона», самогон.

Два разных мира.

Легенд хватало с избытком. Обосновавшиеся в горах семейства, в особенности девять из них, считались потомками гессенских наемников, дезертиров из британской армии во время Американской революции, привлеченных в эту местность ее сходством с их родным Шварцвальдом, Черным Лесом, который был прославлен братьями Гримм как источник всего зловещего. Местный талант, Вашингтон Ирвинг^[3], запечатлел то же неизъяснимо жуткое настроение лесов, холмов и озер на севере штата, где безучастная свирепость природы поражала тех, кто осмеливался вторгаться и пытаться приручить ее. Всякий раз, когда стекла окон сотрясал гром, Бетти ссылалась на местные предания: то призрачные голландцы Рипа ван Винкля^[4] забавляются игрой в кегли в своем горном логове.

Когда мы были подростками, местные жители представлялись нам кем-то вроде крестьян из русской литературы: колоритными, унылыми, преданными, с душком неопознанной опасности. Более прозаическое объяснение, к которому мы пришли позднее, состоит в том, что два столетия лишений, невежества, смешанных браков, алкоголизма, безумия и кровосмешения не принесли почти ничего, кроме боли и трагедии. Мы постоянно слышали шепотки о случившихся «в горах» ужасных вещах и встречали многих из этих людей на протяжении всего детства. Немногие из тех историй пробирали меня до костей; достаточно сказать, что, когда позднее я посмотрел фильм «Избавление», тамошние местные показались мне знакомыми.

Итак, к истории о призраках Бетти: двое местных работяг возвращаются к себе в горы после еженедельного ритуала с посещением городского паба в день зарплаты и сталкиваются с чем-то сверхъестественным.

* * *

Полная луна. Ясная, тихая ночь, ранняя осень, дыхание зимы в воздухе.

И вдруг – мучительно долгий, громкий, похожий на мычание стон со стороны коровьего пруда. И вслед за стоном над водой возникает в лунном свете мерцание, принимающее в проспиртованных мозгах форму борющейся человеческой фигуры. Объятые страхом и подгоняемые ужасом, пьянчужки мгновенно трезвеют и бегут домой, обещая отказаться от дурных привычек.

Мы слушали выпучив глаза, ведь каждый день проходили мимо Коровьего пруда, поднимаясь и спускаясь с горы. Привидения? Проклятье.

– На следующий день, – посмеиваясь, продолжала Бетти, – соседний фермер обнаружил, что одна из его коров заблудилась да и увязла на мелководье.

– А с чего они вообще решили, что это призрак? – с детской наивностью спрашивал я.

– О... Десятью годами ранее в том самом пруду обнаружили тело молодой женщины, жертвы убийства. – Бетти подает это как объяснение, кульминационный момент, заключение.

Я же воспринял все по-другому. Там, в пруду, умер реальный человек. Бетти не называла имени несчастной и, даже когда ее расспрашивали, никаких подробностей вспомнить не могла. С течением времени ни единого факта о той молодой женщине не появилось – возможно, вся история была полностью выдумана, – но образ бедной, позабытой души поселился в уголке моего сознания.

Спустя два года в Калифорнии то же чувство коснулось меня. Во время учебы в школе-интернате в Канаде четырнадцатилетняя Сьюзан Фрески, дочь босса моего отца и сестра одного из моих лучших друзей, подверглась нападению и была убита психически неуравновешенным молодым человеком. По мере того как я узнавал

больше о широко распространенной угрозе сексуального насилия, с которой женщины сталкиваются в повседневной жизни, эти два ужасных события объединялись в моем сознании.

Двадцать пять лет спустя эти воспоминания обрели вымышленную жизнь в образе Лоры Палмер. Или, скорее, Лора Палмер позволила исследовать и объяснить возможные варианты случившегося с той бедняжкой в пруду.

После того как «Твин Пикс» вышел в эфир, я сам купил дом на этом озере и впервые за последние десятилетия стал проводить там лето. Оказалось, что парень, которого я знал с детства, Джон Уолш, местный мастер на все руки и старожил, – его дед работал на моего прадеда и Бетти, – так же, как и я, интересуется этим случаем и многие годы пытается разобраться в нем.

Она была самая что ни на есть настоящая. У нее было имя. Двадцатилетняя Хейзел Дрю – красивая блондинка, так или иначе связанная со многими влиятельными людьми, – умерла в том пруду жаркой июльской ночью 1908 года. Местная девушка, перебравшаяся в город, столкнувшись с новым, бурным образом жизни и захваченная им. Ее история стала региональным, а затем и национальным скандалом. Так что даже рассказы Бетти о двух пьяницах, десять лет спустя принявших заблудившегося теленка за призрак Хейзел, оказались правдой.

Дэвид Бушман, редактор «Вэрайети», несколько лет назад прислал мне по электронной почте письмо. Прослышав об этой истории – я мимоходом упомянул о ней в интервью, – Дэвид и его соавтор, Марк Гивенс, захотели копнуть поглубже и провести расследование. Я дал свое благословение и предложил некоторые направления для поиска, указав и на моего старого друга детства.

Созданное и представленное ими здесь – это проведенная спустя столетие тщательная реконструкция сенсационного, забытого преступления, последовавшего за ним расследования и его итогов для столичного региона. История столь же захватывающая, как и эпизод из сериала «Закон и порядок: Специальный корпус». Это

неустанный поиск ответов и справедливости не только для Хейзел Дрю, но и для всех женщин, которые продолжают становиться жертвами чудовищной эпидемии насилия. Теперь мы знаем, что это преступление старо как мир.

Я думаю о ней всякий раз, когда прохожу мимо Тилз-Понд. Круги от того убийства, всколыхнувшие тихие воды озерца, продолжают распространяться по всему миру уже более ста лет. Для всех наших Хейзел, Сьюзан и Лор эта книга – обелиск памяти об их потерянных и украденных жизнях.

Марк Фрост,

соавтор «Твин Пикс»

Действующие лица

Жертва

Хейзел Айрин Дрю, двадцатилетняя женщина из Троя, тело которой было обнаружено в пруду Тилз-Понд 11 июля 1908 года.

Детективы

Дункан К. Кей, детектив округа Ренсселер и правая рука окружного прокурора; пехотинец-республиканец и предполагаемый сторонник антикатолической Американской ассоциации защиты.

Джон У. Лоуренсон, детектив полиции Троя, занимавшийся расследованием этого дела.

Джон Х. Мернейн, детектив округа Ренсселер, напарник Лоуренсона, работавший в первую очередь по Трою.

Джарвис П. О'Брайен, окружной прокурор округа Ренсселер, отвечавший за расследование; твердый сторонник Республиканской партии.

Уильям П. Пауэрс, детектив округа Ренсселер, работавший в первую очередь по Сэнд-Лейку; также активист Республиканской партии.

Луис Ансер, детектив полиции Троя, работавший в сельской местности с Пауэрсом.

Доктора

Доктор Элиас Б. Бойс. Житель Сэнд-Лейка, первый врач, оказавшийся на месте происшествия; помогал при вскрытии и настаивал на том, что Хейзел задушена.

Доктор Гарри О. Фейрвезер. Врач из Троя, помогал при вскрытии; противник версии удушения.

Доктор Элмер Э. Рейхард. Врач из Сэнд-Лейка, помогал при вскрытии.

Моррис Х. Строп. Коронер округа Ренсселер.

Семья

Джон Дрю. Отец Хейзел; пьяница, не сумевший удержаться на постоянной работе.

Джозеф Х. Дрю. Старший брат Хейзел.

Джулия А. Дрю. Мать Хейзел, перенесшая в детстве полиомиелит; журналисты отметили ее отстраненность и странное поведение, в том числе консультацию с экстрасенсом во время расследования.

Уильям «Вилли» М. Дрю. Младший брат Хейзел.

Ева Лапп Дрю. Невестка (замужем за Джозефом Дрю) и близкая подруга Хейзел.

Минни Тейлор. Тетя Хейзел по материнской линии и, возможно, ее близкая подруга; женщина с причудами, знавшая, по убеждению детективов, больше, чем рассказала.

Уильям Тейлор. Дядя Хейзел по материнской линии и владелец фермы близ Тилз-Понд; человек угрюмый, чья эксцентричность и явное безразличие к смерти племянницы вызывали у следователей недоумение.

Работодатели

Эдвард Р. и Мэри Л. Кэри. Профессор Политехнического института округа Ренсселер и инженер города Трой, а также его жена. Последние работодатели Хейзел.

Томас У. и Нелли М. Хислоп. Бывший городской казначей Троя и его жена. Первые работодатели Хейзел. Политическая карьера Томаса была омрачена финансовым скандалом, который назревал в то время, когда Хейзел работала у него.

Джон Х. и Аделаида Тапер. Богатый торговец углем и его жена. Вторые работодатели Хейзел.

Друзья

Амелия Хантли. Подруга Хейзел из Уотервлита, которая утверждала, что видела ее 6 июля.

Мина и Фрэнк Джонс. Мина была одной из ближайших подруг Хейзел; из Троя Джонсы переехали в Провиденс, а затем в Мэн.

Сара Моран. Подруга из Уотервлита, которая сказала, что не видела Хейзел 6 июля.

Ида Роу. Еще одна подруга из Уотервлита, которая утверждала, что не видела Хейзел 6 июля.

Кэрри А. Уивер. Одна из ближайших подруг Хейзел, работавшая домашней прислужкой у Гринов, друзей Кэри.

Сельская местность

Джон Абель. Ливрейщик, утверждавший, что весной он привозил Хейзел на ферму Уильяма Тейлора. Сам Тейлор это отрицал.

Мейбл Браун. Владелица отеля «Крукед-Лейк», рассказавшая, что к ней приезжали женщины из горного лагеря.

Питер Кипперли. Фермер, сообщивший, что 7 июля он видел женщину, похожую на Хейзел, в трамвае, следовавшем в Аверилл-Парк.

Минни Клиффорд. Бывшая смотрительница лагеря в Альпах, сообщившая, что слышала крик в лагере либо в ночь убийства, либо сутками раньше.

Кристофер Крейп. Владелец отеля «Аверилл-Парк», сообщивший о странном автомобиле в окрестностях Тилз-Понд, предположительно в ночь убийства.

Лоуренс Груббер. Турист-подросток, обнаруживший тело Хейзел.

Рудольф Гандрум. Угольщик из Табортона, одним из последних видевший Хейзел живой на Табортон-роуд вечером 7 июля.

Уильям и Элизабет Хоффей. Фермеры из Табортона, сообщившие, что видели двух мужчин и фургон на Табортон-роуд 7 июля.

Орилла Э. Хортон. Женщина из Аверилл-Парка, полагавшая, что видела Хейзел, гулявшую у подножия горы Табортон вечером 6 июля.

Александр и Генри Э. Крамрат. Братья из Олбани, владевшие горным лагерем, который, как сообщается, был местом шумных секс-вечеринок.

Уиллис Д. Ларкин. Владелец «Похоронного бюро братьев Ларкин» в Сэнд-Лейк, где проводилось вскрытие Хейзел.

Эбenezер Мартин. Мировой судья в Сэнд-Лейк, одним из первых должностных лиц прибывший на место преступления.

Гилберт Миллер. Житель Табортона, уведомивший власти об обнаружении тела.

Чарльз Рэнки. Фермер из Табортона, который утверждал, что в последние воскресенья он видел у пруда мужчину, соответствующего описанию, предоставленному супругами Хоффей.

Фрэнк и Фредерика Ричмонд. Работники фермы Уильяма Тейлора, жившие на ферме Тейлора, но не сумевшие обеспечить ему алиби. Примечание: в газетных сообщениях того времени имя Фредерика писалось по-разному.

Генри и Шарлотта Роллман. Жители Табортона, сообщившие, что видели Хейзел Дрю на Табортон-роуд 7 июля.

Джулия и Генри Раймиллер. Жители Табортона, проезжавшие по Табортон-роуд 7 июля, но не видевшие Хейзел.

Фрэнк Смит. Молодой работник фермы из Табортона, по слухам влюбленный в Хейзел. Соседи считали его полоумным. Он был одним из последних, кто видел Хейзел живой. Его выходки и противоречивые показания во время расследования злили и раздражали детективов.

Джон Смит. Отец Фрэнка Смита, сообщивший Уильяму Тейлору, что обнаруженная в пруду мертвая девушка – это, скорее всего, Хейзел.

Либби Совальски. Фермерша из Табортона, у которой во время убийства жил Вилли Дрю.

Том Совальски. Сын Либби, по слухам склонный к насилию, включая истязание животных.

Конрад Тил по кличке Енот. Фермер из Табортона, владевший прудом, в котором было обнаружено тело Хейзел.

Джордж Уайт. Турист из Аверилл-Парка, который помог вытащить тело из пруда.

Мари Йибауэр. Жительница Табортона, ехавшая по Табортон-роуд 7 июля, но не видевшая Хейзел.

Примечание: в газетных сообщениях того времени фамилия Йибауэр писалась по-разному.

Город

Адельберт Этвуд. Клерк на вокзале Юнион в Трое, сыгравший скромную, но решающую роль в расследовании.

Уильям и Флоренс Баркер. Производитель манжет и воротничков и его жена, жившие напротив четы Кэри на Уитмен-корт.

Томас Кэрри. Пожарный из Троя, видевший Хейзел на улице 7 июля.

Уильям Кушинг. Бармен в Трое, член Республиканского окружного комитета, который признался, что 7 июля он выезжал в Сэнд-Лейк, но утверждал, что близ пруда Тилз-Понд не был.

Лоуренс Иган. Работник продуктового магазина, сначала заявивший, что видел Хейзел 6 июля, позднее усомнившийся в том, что видел именно ее.

Артур и Мэри Грин. Профессор Политехнического института Ренсселера и его жена; работодатели Кэрри Уивер, подруги Хейзел.

Джордж Б. Харрисон. Богатый бизнесмен и работодатель тети Хейзел.

Минни Тейлор Эдвард Дж. Кнауфф. Бывший дантист Хейзел.

Анна Лабелль. Продавщица в универмаге Фрира, знавшая Хейзел – насколько хорошо, вопрос спорный.

Сэмюэль Лерой. Кондуктор из Троя, подозревавшийся в причастности к убийству.

Джон Э. Магнер. Кондуктор поезда, подозревавшийся в том, что встречался с Хейзел на вокзале Юнион.

Жанет Марцелл. Подруга Хейзел, видевшая ее на вокзале Юнион 6 июля.

Генриетта Робертсон. Мать Лилиан, подруги Хейзел, видевшая Хейзел на вокзале Юнион 6 июля.

Фред У. Шатцл. Бальзамировщик в Трое, помогавший своему другу Уильяму Кушингу арендовать экипаж 7 июля.

Мэри Шумейкер. Швея Хейзел.

Уильям Шайн. Владелец ливрейной конюшни Шайна, сыгравший ключевую роль в расследовании смерти Хейзел.

Поклонники

Гарри (фамилия неизвестна). Автор письма, адресованного Хейзел и подписанного «Рыцарь Напп-Кинна и ваш друг-художник Гарри», в котором он извинялся за то, что, возможно, оставил синяки на ее запястьях.

Уильям К. Хогардт. Человек из Дедэма, Массачусетс, назвавший Хейзел «одним из своих самых близких друзей».

Эдвард Лавуа. Бывший возлюбленный Хейзел; детективы нашли вырезку из новостей о нем в вещах Хейзел.

Ф. У. Шлаффлин. Упаковщик мяса, познакомившийся с Хейзел тремя годами ранее; его фотография была найдена среди ее вещей.

Пресса

Уильям М. Клеменс. Репортер криминальной хроники, освещавший расследование убийства Хейзел для «Уорлд» и раздражавший детективов и коллег своими необоснованными и сенсационными сообщениями в прессе.

Луис Х. Хоу и Джон Келли. Репортеры, нашедшие очки Хейзел.

Гарольд Д. Нич. Журналист «Трой стандарт», находившийся, как говорили, в машине, проезжавшей мимо отеля Крейпа по дороге на гору Табортон.

Вступление

Так что смерть, самая страшная из бед, для нас ничто, поскольку, пока мы существуем, смерти с нами нет; но когда приходит смерть, тогда мы не существуем.

Эпикур

Добро пожаловать в Сэнд-Лейк, штат Нью-Йорк, население 8425 человек: тихий, идиллический городок, расположенный в южной части округа Ренсселер, примерно в тринадцати милях к востоку от Олбани, столицы штата. На окраине города, глубоко в лесистой местности, находится район Табортон, названный в честь горы Фавор в Нижней Галилее, Израиль, где, согласно Новому Завету, произошло преобразование Иисуса; он излучал свет и беседовал с великими пророками Моисеем и Илией.

Табортон-роуд – основной маршрут в город и из него – составляет четырнадцать километров от подножия горы Табортон, на так называемых Четырех углах Сэнд-Лейк, мимо Киппла (вариант немецкого слова *гипфель*, означающего «вершина», около 560 метров над уровнем моря), мимо Больших и Маленьких прудов Боумена и, наконец, к восточной оконечности горы, где вы прибудете на перекресток. Поверните налево – и вы отправитесь в Восточный Поэстенкилл или Берлин; поверните направо – и ваш пункт назначения Черри-Плейн.

Это пустынный участок леса – можно пройти много миль, не повстречав ни единой живой души.

Пустынный участок леса с привидениями, как могли бы сказать некоторые. Фольклорист Гарольд У. Томпсон писал в книге «Тело,

ботинки и штаны. Народные сказки, баллады и язык сельской местности Нью-Йорка» о фермере из Табортона, который столкнулся в своем сарае с любопытными происшествиями. Хвост и грива одной из его лошадей оказались необъяснимо заплетены, а само животное было настолько утомлено, словно кто-то ездил на нем всю ночь. Поздно ночью он проверил лошадь и обнаружил странную черную кошку, сидящую у нее на спине. Решив отпугнуть кошку, он ткнул ее в спину трехзубыми вилами. На следующее утро мать фермера – многие в лесу считали ее ведьмой – так разболелась, что не могла подняться с постели, но затем коса у лошади внезапно расплелась, и животное восстановило свою силу. Три дня спустя врач, осматривая мать фермера, обнаружил у нее на спине три глубокие раны.

Вот в этом – иногда очаровательном, иногда жутковатом – маленьком городке и погибла Хейзел Дрю.

Формально наше путешествие началось в 2013 году с ретроспективного трибьюта телесериалу «Твин Пикс» в Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе. Марк Фрост, создавший сериал совместно с Дэвидом Линчем, заметил в комментариях, что вдохновением для него – но не для Линча – стало нераскрытое убийство начала 1900-х годов, случившееся в северной части штата Нью-Йорк, где он и его семья проводили лето в доме его бабушки по материнской линии, Бетти Калхун. Бетти потчевала Марка и его брата Скотта (который также писал для «Твин Пикс» и является автором книги «Твин Пикс. Воспоминания специального агента ФБР Дейла Купера») историями, многие из которых если и не полностью выдуманы, то как минимум приукрашены. Рассказывала она и историю об убийстве на рубеже двадцатого века молодой женщины – убийстве, которое так и не было раскрыто. По словам Бетти, призрак жертвы, чье тело обнаружили в пруду, все еще бродил по лесу, ожидая, когда убийца будет публично разоблачен.

Марк вспоминал: «Она рассказывала нам всякие фантастические истории о жизни в горах, и в той, что привлекла мое внимание,

говорилось о парне, который отправился вниз, в таверну, повеселиться, а на обратном пути поздней ночью якобы услышал что-то, показавшееся ему стонами призрака. Он увидел, как нечто белое блеснуло в лунном свете, и в ужасе бросился домой».

Марк не был уверен, но убитую женщину вроде бы звали Хейзел Грей.

Мы оба уже давно одержимы «Твин Пикс». Один из нас (Марк) ведет подкаст об этом под названием «Радио Оленьего луга» (<https://deermeadowradio.libsyn.com>); другой (Дэвид) является автором статей, эссе и книг о сериале. Кроме того, мы оба любим тайны.

И вот мы вознамерились раскрыть убийство Хейзел Грей!

Вот только никакой Хейзел Грей не было. И «северная часть штата Нью-Йорк» не стала большой зацепкой (или ключом, как тогда писали).

Однако же была Хейзел Дрю, убитая в лесах Сэнд-Лейка, штат Нью-Йорк, летом 1908 года. Ее убийца так и не был опознан или задержан.

И мы приступили к расследованию.

* * *

Впервые мы посетили Сэнд-Лейк в 2016 году после общения с историком города Бобом Муром, дружелюбным светловолосым мужчиной в очках, который выглядит именно так, как и положено выглядеть учителю истории и обществознания средней школы. Боб показывал нам старинные открытки, водил нас на экскурсии, отвечал на бесчисленные электронные письма и телефонные звонки, даже кормил нас похлебкой из морепродуктов и предлагал свободную спальню.

От нашего имени Боб проконсультировался с экстрасенсом, который сказал ему, что, возможно, он так одержим этим делом

потому, что является реинкарнацией убийцы. (После этого мы некоторое время следили за Бобом и сделали пометку, чтобы он никогда не возвращался к этому экстрасенсу.) Самое главное, он организовал сообщество: группу людей, в которую входили и те, кто постоянно жил в Табортоне, и потомки тех, кто был так или иначе причастен к делу, и просто местные жители, интересовавшиеся давними событиями. Все они в течение следующих четырех с лишним лет были нашими «ополченцами с Бейкер-стрит». Они делились своими личными знаниями о регионе и помогали в поиске улик. (Мы даже привлекли бывшего агента ФБР – не Дейла Купера – для помощи в расследовании, но он исчез где-то по пути; мы до сих пор не знаем, что с ним случилось.) У нас по спине пробежали мурашки, когда потомки и члены семей ключевых фигур в этом деле поделились воспоминаниями «из первых рук» о своих предках, например внуки двоюродной сестры Хейзел, Этты Беккер, которая провела с ней выходные 4 июля 1908 года, менее чем за сорок восемь часов до трагедии.

Среди прочего мы узнали, что в Табортонских лесах – независимо от того, обитали там призраки или же нет – почти наверняка устраивались антикатолические собрания Американской ассоциации защиты, организации, в чем-то подобной Ку-клукс-клану. Проходили они в пещерах, недалеко от тех мест, где тамошние подростки строили домики на деревьях и встречались подальше от глаз своих родителей.

До нас дошел упорный и широко распространенный среди местных жителей слух о том, что трое влиятельных горожан – врач, адвокат и владелец похоронного бюро – сыграли определенную роль в смерти Хейзел и последующем заметании следов, хотя ни один из этой троицы так и не был окончательно идентифицирован. В Сэнд-Лейке отследить слухи было легче, чем установить настоящие имена.

Натыкались мы и на препятствия, причем многочисленные. Расследовать нераскрытое дело 113-летней давности очень даже

непросто. Боб Мур отважно пытался выудить записи из похоронного бюро братьев Ларкин, где проводилось вскрытие Хейзел, но все, что мы получили, это запись в журнале регистрации. Мы нашли фотографию совсем юной Хейзел Дрю с ее матерью, но не смогли убедить семью поделиться этим снимком.

Мы объездили весь округ в поисках материалов расследования; оказалось, что они, скорее всего, были отправлены на хранение и пропали во время наводнения. Не осталось ничего – ни бумажных записей, ни физических артефактов, вообще никаких вещественных доказательств. Однажды клерк округа Ренсселер уронил нам на колени огромную коробку с отчетами коронера, включая пергаменты, датированные еще 1870-ми годами. Что-нибудь из 1908 года? Конечно же нет.

Самым ужасным было то, что мы потеряли одного из наших «сыщиков-любителей», жителя Табортона Джона Уолша, который скончался 11 октября 2019 года в возрасте пятидесяти пяти лет. Именно Уолш помогал Марку Фросту исследовать это дело десятилетиями ранее, когда Марк разрабатывал «Твин Пикс».

В какой-то момент, как нам тогда казалось, мы подошли очень близко к раскрытию дела: мы обнаружили, что Анна Лабелль, которая работала в универмаге Фрира в Трое и знала Хейзел Дрю (степень их дружбы остается загадкой), носила то же имя, что и некая мадам в районе красных фонарей, известном как Линия. Эта Анна Лабелль, мадам, оставила свое состояние стоимостью около двадцати шести тысяч долларов Эбботу Джонсу, влиятельному адвокату из Троя, который в 1931 году защищал гангстера Джека «Ноги» Даймонда, обвиненного в похищении и нападении (неважно, что на следующий день после оправдания его застрелили в постели любовницы). Джонс был избран окружным прокурором округа Ренсселер вскоре после убийства Хейзел Дрю, обойдя Джарвиса О'Брайена, руководившего тогда расследованием.

Были ли эти две Анны Лабелль одной и той же личностью? Если да, то имело ли это какое-либо отношение к расследованию

убийства Хейзел Дрю?

Второй вопрос отпал сам собой, как только мы обнаружили ответ на первый: между двумя Аннами Лабелль не было никакой связи.

В тот миг мы, вероятно, чувствовали то же, что и детективы, пытавшиеся раскрыть это дело в 1908 году.

На эту ниточку нам любезно указал Марк Маршалл, школьный курьер в Аверилл-Парке, который работал на нас в Сэнд-Лейке, подал немало ценных идей и помог наладить связи. Марк вырос в Грисволд-Хайтс, жилом комплексе на восточной стороне Троя, примерно в шести кварталах от последнего места жительства Хейзел Дрю. Там, где он живет сейчас, в Восточном Поэстенкилле, до сих пор сохранились остатки церкви, которую посещала семья Дрю. Вскоре мы стали называть его Детективом.

Если бы Марк Маршалл и Боб Мур были там в 1908 году, убийство Хейзел Дрю, несомненно, было бы раскрыто.

* * *

Хейзел Дрю была убита в Табортоне, но жила в Трое, примерно в семнадцати километрах к северо-западу от Сэнд-Лейка. Вскоре мы обнаружили, что тут действительно имеет место «повесть о двух городах».

Шесть лет назад мы почти ничего не знали о Трое; теперь мы могли бы написать книгу, если не считать того, что она уже написана местным историком Доном Риттнером. Кто знал, что дядя Сэм был тезкой Сэмюэля Уилсона, мясника из Троя, поставлявшего мясо войскам во время войны 1812 года? Что рождественское стихотворение «Однажды ночью перед Рождеством» впервые было опубликовано в газете «Трой сентинел» и предоставлено дочерью тамошнего священника? В Трое вырос президент Честер Артур; Герман Мелвилл написал там «Тайпи» и «Ому»; Джордж Вашингтон

Гейл Феррис-младший, изобретатель колеса обозрения, окончил в Трое Политехнический институт Ренсселера.

Не обошелся город и без негодяев и бесчестья: Мэри Элис Фейхи (Мэйми Фэй) заправляла своим прискорбно прибыльным бизнесом, проституцией, на центральных улицах Троя (пользуясь защитой полиции).

В здании здешнего суда был оправдан Джек «Ноги» Даймонд, а в 1865 году шляпник из Троя, Томас П. «Бостон» Корбетт, застрелил в вирджинском амбаре Джона Уилкса Бута, пустив тому пулю в голову.

* * *

«Твин Пикс» привел нас сюда, в «Твин Пикс» мы сейчас и возвращаемся.

Сходство между убийством Хейзел Дрю и телесериалом буквально тыкало в нас пальцем. В Сэнд-Лейке, как мы выяснили, есть свои собственные вершины-близнецы: Периго-Хилл в северо-восточной части города и Оук-Хилл недалеко от центра, каждый достигает высоты в двести семьдесят метров. Восточная часть города, включая Табортон, соседствует с лесом, напоминающим анагогический Гоуствуд, Лес призраков, в «Твин Пикс».

Тело Лоры Палмер было обнаружено на берегу озера лесорубом Питом Мартеллом, когда он шел ранним утром на рыбалку; тело Хейзел – в мельничном пруду двумя молодыми людьми, отправившимися на выходные в поход на рыбалку. В прежние времена – до вырубки лесов – лесозаготовки были в Сэнд-Лейке крупным бизнесом; на мельницах, приводимых в действие сначала водой, а затем паром, работало более двухсот человек, обогащавших своих владельцев точно так же, как это было на фабрике Паккарда в «Твин Пикс». Когда заводы в Сэнд-Лейке и Трое закрылись, промышленность двинулась дальше, и эти рабочие места

были потеряны навсегда – ничем не напоминает третий сезон «Твин Пикс»?

Колоритные персонажи, такие как сумасбродные родители Хейзел, угольщик Рудольф Гандрум, «слабоумный» работник Фрэнк Смит, воинственная тетья Минни Тейлор и неприступный дядя Уильям Тейлор, казались реальной копией Дамы с поленом, доктора Джейкоби, майора Бриггса и Сары Палмер.

Наконец, в один особенно волнующий момент, мы наткнулись на имя Томаса Лоусона, которому много лет спустя предстояло стать прадедом Марка Фроста по материнской линии, человека, который и отправил нас в это путешествие. Лоусон, весьма уважаемый профессор Политехнического института Ренсселера в Трое, в то время был второстепенной фигурой в истории Хейзел Дрю, коллегой и другом ее последнего работодателя, научного сотрудника этого же института Эдварда Кэри, который также некоторое время работал городским инженером. Признаться, на какой-то миг это открытие нас встревожило – ни одному из нас не хотелось нести ответственность за обнаружение того факта, что прадедушка Фроста был каким-то образом причастен к смерти женщины, вдохновившей его правнука на самое известное и долговечное творение. К счастью, звонить Фросту с этой новостью нам не пришлось.

Чем глубже мы продвигались в своем исследовании, тем поразительнее становилось сходство между двумя женщинами, стоявшими в центре этих историй, – Хейзел Дрю и Лорой Палмер. Обе были красивыми и соблазнительными молодыми женщинами, обе могли вызвать в мужчине страстную одержимость. Лора, как выразился ее психиатр доктор Джейкоби, обставила свои секреты крепостями; у Хейзел тоже были секреты, и те, кто ее окружал, либо не смогли в них проникнуть, либо сошли в могилу, защищая их. В случае с Лорой ключи были повсюду, но все те, кто находился на ее орбите, игнорировали их, что и привело к ее смерти. Как знать, возможно, Хейзел осталась бы жива, если бы люди были повнимательнее?

Правда, Лора происходила из богатой семьи – ее отец был успешным адвокатом, работавшим на самого богатого человека в городе, тогда как Хейзел принадлежала в лучшем случае к семье со скромным достатком: ее отец был бездельником и мошенником, любил заложить за воротник и, похоже, не мог удержаться на постоянной работе. Но Хейзел все же ушла из дома в довольно раннем возрасте и потом общалась с некоторыми из самых влиятельных, значимых в политическом отношении городских семейств, познакомилась с образом жизни, чуждым ее собственному.

И Лора, и Хейзел мечтали о побеге и переосмыслении своего существования; в конечном счете судьба распорядилась иначе.

Будь Хейзел мужчиной или богатой особой, привело ли бы это к задержанию ее убийцы?

Возможно.

Тем не менее убийство Хейзел и последующее расследование не остались без внимания; более того, оно стало темой для первых полос газет по всей стране. Почему? Девушка из рабочего класса, из бедной семьи была убита в каком-то лесу, о котором большинство людей даже не слышали. Однако было в этой истории нечто неудержимо притягательное, нечто такое, что привлекло внимание даже известных журналистов вроде Элизабет Мериуэзер Гилмер (псевдоним Дороти Дикс) и Уильяма М. Клеменса.

По мере того как мы продолжали расследование, причины стали проявляться сами собой. Во-первых, политический аспект. Работодатели Хейзел были влиятельными людьми. Окружной прокурор Джарвис О'Брайен был выдвинут на переизбрание. Всплыли слухи о разгульных секс-вечеринках и молодых женщинах, удерживаемых против их воли в лагере (или летнем доме) неподалеку от того места, где нашли тело Хейзел. В газетных статьях ежедневно появлялись утверждения о тайных связях жертвы и, возможно, даже о нежелательной беременности.

Мы начали с того, что задались вопросом: кто убил Хейзел Дрю? В итоге мы также погрузились в другую, еще более непростую загадку: кто такая Хейзел Дрю? Ведь почти все люди из той истории (в основном детективы и журналисты) были мужчинами, сама история подавалась через мужской взгляд, и Хейзел – как Лора Палмер и ее прототип, одноименная героиня фильма-нуара «Лаура» 1944 года, снятого Отто Премингером, стала экранной проекцией, вобравшей в себя те достоинства или недостатки, которыми наделили ее ненадежные рассказчики. Она стала женщиной, которую определяла мужская одержимость.

* * *

Как мы уже говорили ранее, расследовать нераскрытое дело 113-летней давности непросто. Однако мы считаем, что раскрыли убийцу, и у нас есть довольно веские аргументы в пользу обвинения. Решение взрывоопасно. Читайте дальше – и вы узнаете: кто и почему.

Хейзел Дрю мертва уже 113 лет.

Вопреки Эпикуру, Хейзел все еще здесь.

Глава 1

Убийство у пруда

На Табортонские горы опускаются сумерки, в лесу быстро темнеет. Прислушайтесь, и вы услышите жужжание насекомых. Лягушки-сверчки взывают к ней, их крики напоминают щелканье крикетных шаров.

Ночь пугающе жаркая и тихая, хотя она и ежится, когда невидимый порыв тепла проносится мимо нее, пригибая клочковатую траву на обочине дороги, шипит и замирает. Берегись водяных змей! Она видела их здесь раньше – чешуйчатых зеленовато-коричневых змей с круглыми головами, с похожими на пуговицы глазами и гибкими, словно витыми, телами метр длиной.

«Правильно ли я поступаю?» – звучит голосок сомнения у нее в голове, но ей удастся его заглушить.

Позапрошлым утром она проснулась в той же постели, что и последние пять месяцев, под те же мелодии щебечущих птиц и с тем же видом на красивые дома через Уитмен-корт в фешенебельном Восточном Трое.

Теперь все это кажется далеким воспоминанием.

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смутится и да не устрашится ваше сердце». Ее любимый стих из воскресной школы. «Как давно это было!» – вспоминает она со странной улыбкой, продолжая шагать по дороге.

Она ушла от родителей подростком и последние пять лет жила и работала в трех разных семьях. Но вечно быть домашней прислугой, гнуть спину на элиту Троя, стирать одежду, мыть посуду и убирать за чужими детьми она не намерена.

Она уже преодолела отмеренные ей в жизни препятствия. Она построила планы и доведет их до конца – что бы ни ждало ее впереди, она готова ко всему. Она бесстрашна. Разве гадалка только

что не предупредила, что она умрет внезапной смертью еще в этом году? Разве сама она не посмеялась над этим ужасным предсказанием?

Как раз в этот момент она слышит какой-то звук, шорох за деревьями. Отдыхающие? Пьяный лесоруб? Наверное, просто олень или кролик. Она щурится, вглядываясь глубже в лес, но с каждой минутой становится все темнее, и она ничего не может разглядеть. Только бы не увязался следом тот мальчишка Смит. Он довольно приятный парень, но вот насчет другого, который был с ним в повозке, она не уверена. Этим вечером ничего такого ей не нужно.

Многие женщины ее возраста побоялись бы идти в Табортон в позднее вечернее время. О том, какие опасности таятся в этих лесах, рассказывали разное. Ей особенно запомнилась такая история: холодной зимней ночью лет пятьдесят назад фермер убил своего работника и сбросил тело в пруд за полем, где оно лежало, скрытое опавшими листьями и мусором. Следующей весной, когда снег растаял, его обнаружил прохожий. Никого за то преступление не арестовали, но фермер чувствовал себя виноватым и в конце концов тронулся рассудком и покончил с собой.

Она помнит, что некоторое время назад на этой самой дороге к Берте Неннистейл, местной девушке, пристали двое хулиганов, но она отбилась от них и благополучно вернулась домой.

Но Хейзел не боится. Этот лес знаком ей «от и до», каждый поворот, каждый кустик. Хотя она и живет уже много лет в Трое, в таких лесах прошло ее детство. Когда ее семья жила поблизости, она часто навещала родных, находя дома убежище от всех трудностей жизни.

Воздух пахнет влажной травой и грязью, и она медленно, с наслаждением вдыхает его. О чем напоминает этот запах? Конечно же, о доме.

Хейзел с легким недовольством смотрит на ноги: ее красивые, из блестящей лакированной кожи туфельки на каблуке испачкались. Она ненадолго останавливается, чтобы снять черную соломенную

шляпу, и бросает быстрый взгляд на страусиные перья. Однажды кто-то при ней сказал, что шляпа – это нечто большее, чем просто предмет одежды, это продолжение личности владельца. «И что это говорит обо мне?» – мысленно спрашивает она и вытирает рукавом лоб. Волосы намокли от пота и слиплись от жары.

Сколько мужчин делали ей комплименты, восхищаясь ее сияющими волосами и ясными голубыми глазами?

Молодая женщина усмехается про себя: «Видели бы они меня сейчас».

Луна поднимается все выше, а Хейзел внезапно охватывает усталость; несомненно, это реакция на суматошные события последних нескольких дней. Собравшись с силами, она гонит прочь тревожные мысли и продолжает путь. Судьба ждет ее уже за ближайшим поворотом.

Она слышит крик совы, потом еще один шорох.

Тут кто-то есть.

* * *

Суббота, 11 июля 1908 года. Этот день был похож на многие другие дни того лета в сонном городке Сэнд-Лейк, штат Нью-Йорк. Похож невыносимой, удушающей жарой. По всему штату люди спали в парках, на крышах или даже прямо на улицах, чтобы спастись от изнуряющего зноя и влажности; температура поднималась выше тридцати двух градусов. В полицейские участки хлынули сообщения о смертельных случаях, обмороках и «внезапном помешательстве». В Бруклине, штат Нью-Йорк, двое мужчин, которые, как считается, сошли с ума от чрезмерной жары, пытались убить своих жен разделочными ножами.

Расположенный в центре округа Ренсселер маленький городок Сэнд-Лейк равноудален от двух крупных городов северной части штата Нью-Йорк, Троя и Олбани и находится примерно в

восемнадцать километров к юго-востоку от первого и в двадцати километрах к востоку от второго. Город Сэнд-Лейк был небольшим по площади и численности населения (2128 человек) и официально состоял из трех поселений-деревушек – Аверилл-Парка, Уэст-Сэнд-Лейка и Сэнд-Лейка, – каждое из них отличалось индивидуальной культурой и самобытностью.

Деревушка Аверилл-Парк – названная так в честь богатого адвоката и землевладельца Горацио Ф. Аверилла, который, как известно, был изгнан из Троя после организации ареста беглого раба из Вирджинии Чарльза Налле в 1860 году, – была центром активности в Сэнд-Лейке. Более двухсот человек, включая женщин и детей, работали там на водяных мельницах, производя все, от бумаги до шерстяных кальсон и чулочно-носочных изделий. Другие местные жители обрабатывали землю, охотились, ковали железо, добывали кленовый сок или рубили лес.

Аверилл-Парк фактически служил центром города.

Улицы были усеяны семейными магазинчиками, включая кафе-мороженое, аптеку, продуктовый магазин, пекарню, сапожную и портняжную мастерскую, и жаркими летними ночами жители собирались с соседями на ступеньках почты или крылечках гостиниц и сельского универмага в надежде на легкий ветерок. По воскресеньям по всему городу звенели колокола, и церкви – в основном протестантские – манили верующих к своим шпилям. Была среди них и баптистская церковь, на колоколе которой, изготовленном в Трое, имелась надпись на латыни: *Defunctos ploro* («Оплакиваю усопших»).

Аверилл-парк был последней остановкой на маршруте «Трой энд Нью-Ингланд рейлуэй тролли лайн», компании, предоставлявшей единственное средство общественного транспорта. Протяженность линии между Альбией, одним из районов Троя, и Аверилл-Парком составляла тринадцать километров. Летом посетители с севера и юга, особенно из Троя, Олбани и даже из Нью-Йорка, расположенного в двухстах сорока километрах к югу, приезжали в

Аверилл-Парк на дневные или выходные экскурсии, а некоторые даже оставались на все лето. Гостиницы росли как грибы после дождя, и спрос в июле и августе был настолько велик, что заведения зачастую бронировались до отказа. Для гостей здесь устраивали вечерние танцы, концерты, карточные игры. В отеле «Мейпл гроув» даже была своя бейсбольная команда, состоявшая исключительно из постояльцев гостиницы.

Близлежащее озеро, Кривое, было любимым местом отдыха президента Теодора Рузвельта в бытность его губернатором штата Нью-Йорк; ему нравилось охотиться в здешних лесах и любоваться видом на город со скалы Медвежья Голова. Но особой популярностью пользовалось треугольное Хрустальное озеро, находившееся примерно в полутора километрах к югу от конечной остановки трамвая. Там гостям предлагалось катание на лодках, пикники, рыбалка и даже парк развлечений. Наличие колеса обозрения, карусели, танцевального зала, киосков и пляжа обеспечивало этому месту достаточную известность для того, чтобы называться Верхним Кони-Айлендом.

Разумеется, такая жизнь была не для всех. Негласный, но вполне реальный барьер разделял богатых приезжих и горожан, которые обычно держались от чужаков на расстоянии и относились к ним настороженно, хотя и не упускали случая подзаработать, показав лучшие места для охоты и рыбалки.

К востоку от Аверилл-Парка находится Сэнд-Лейк; к западу – соответственно Уэст-Сэнд-Лейк. Как и Аверилл-Парк, каждое из этих поселений представляло собой примерно одинаковый набор жилых домов, церквей, отелей, магазинов и мельниц. Население деревушек Сэнд-Лейк и Уэст-Сэнд-Лейк было намного меньше населения Аверилл-Парка, и им не хватало развлекательных достопримечательностей, которые привлекали бы летних туристов.

Табортон был своего рода неофициальной деревушкой в самом восточном углу города, деревушкой, простершейся на холмистой, густо поросшей лесом местности. Здесь жили «горцы», люди,

известные своей приземленностью и практичностью, а также врожденным недоверием к чужакам. Жители Табортона по большей части были самодостаточными фермерами, лесорубами или угольщиками и на фабрики или мельницы шли работать неохотно. Обширные сельские владения давали им больше пространства, развивая сильное чувство индивидуальности и рождая широкий спектр эксцентричных персонажей. Ночь на одинокой горе Табортон могла быть пугающе тихой, если не считать случайных звуков дикой природы и выстрелов. Это фермеры, растянувшись в своих шезлонгах с кувшинами крепкого сидра, палили в бобров, наносивших немалый урон посевам.

На уединенных холмах Табортона собирались обычно неугомонные мальчишки, сбегавшие туда от повседневной скучной жизни.

Лоуренс Грубер, подросток из Аверилл-Парка, работал полный рабочий день на трикотажной фабрике компании «Фейт» на Берден-Лейк-роуд, недалеко от центра деревни, где скручивал и разрезал сырую шерсть и хлопок («Ты только верь, Уилл, ты только верь», – советовали друзья и родные соучредителю предприятия Уильяму Д. Махони). Но выходные парень мог проводить так, как ему заблагорассудится, и не собирался нарушать привычный порядок дня из-за какой-то жары: он и шестеро его друзей регулярно ночевали в Табортонском лесу без назойливого надзора взрослых. Днем они ловили рыбу и охотились на белок; ночью, когда сгущалась тьма и высыпали звезды, собирались вокруг потрескивающего костра, ели свежую рыбу и запивали ее бодрящими напитками.

Вечером в пятницу, 10 июля, мальчики поставили свои палатки на обычном месте, примерно в тридцати метрах от небольшого озера в форме искривленной восьмерки, известного среди местных жителей как Тилз-Понд – «пруд Тила», – по имени фермера, которому принадлежал участок, Конрада «Енота» Тила. Несколькими годами ранее Тил запрудил ручей Хорс-Хевен, сбегавший с горы

Табортон, плотиной из нагроможденных друг на друга валунов, создав пруд для питания своей лесопилки. Уединенный пруд был небольшим, но глубоким в середине, некоторая часть его была скрыта разросшимся на берегах подлеском. Место, выбранное мальчиками, было защищено величественными соснами, кленами и дубами от безжалостного солнца.

В 9:30 в субботу Грубер, направляясь по каким-то делам, заметил нечто, плававшее в густом, застоявшемся пруду. Убежденный, что это выброшенный предмет одежды или случайный мусор, паренек оставил его без внимания.

Примерно через пять часов Грубер снова оказался у пруда, когда ему пришлось пересекать плотину по пути к главной дороге. Предмет все еще был виден – он покачивался в том месте, где глубина составляла около метра. На этот раз Грубер присмотрелся к нему повнимательнее и в считанные секунды пришел к ужасающему осознанию того, что это не одежда и не мусор, а безжизненное человеческое тело.

* * *

Его первым желанием было позвать на помощь. Один из его приятелей по походу, Джордж Уайт, только что отправился на обед в дом Гилберта Миллера, фермера из Табортона. К счастью, Уайт все еще находился в пределах слышимости.

– Джордж, вернись! – закричал Грубер. – Мне кажется, в пруду тело!

Паника в голосе друга поразила Уайта прежде, чем он полностью осознал значение этих слов.

Он побежал вдоль береговой линии обратно к Груберу, который указал на тело, медленно плывшее к ним лицом вниз, с раскинутыми руками, так что над поверхностью воды виднелись только голова и плечи. Теперь они смогли разглядеть прилипшее к нему промокшее

платье. Большие черные гребни для волос в форме полумесяца со стразами и так называемая «крыса» – аксессуар для создания пышных причесок в стиле «помпадур» – оставались прочно закрепленными на спутанных волосах.

Зрелище было мучительное, тяжелое, но в то же время завораживающее, и подростки не могли отвести взгляд от тела. Грубер, уже зная ответ, спросил:

– Как думаешь, она мертва?

– Скорее всего, – ответил Уайт.

– Что будем делать? Попробуем вытащить или нужно позвать кого-нибудь?

На мгновение они замолчали, обдумывая создавшееся положение.

– Ты подожди здесь, – наконец сказал Уайт, – а я позову на помощь.

Он бросился на поиски Гилберта Миллера, который в свои пятьдесят четыре года имел многолетний жизненный опыт общения с этими пареньками. Оставшийся у пруда Грубер молча наблюдал за дрейфующим телом, сожалея, что не оказался где-нибудь в другом месте.

Давний житель Табортона, знавший этот район вдоль и поперек, Миллер сразу осознал всю серьезность ситуации. Накануне днем он тоже заметил некий плавающий в пруду предмет, когда спускался с горы, чтобы доставить молоко в отель Крейпа, который находился на окраине соседней деревушки Сэнд-Лейк. Тогда он продолжил свой путь, подумав, что это какая-нибудь пустая сумка или сверток с одеждой.

Миллер и Уайт поспешили через болотистую пустошь обратно к пруду. По пути Миллер краем глаза заметил предмет примерно в шести метрах от пруда: черную женскую соломенную шляпу с высокой тульей, украшенную тремя большими страусиными перьями. При ближайшем рассмотрении он заметил, что ярлычок модистики сорван. К шляпе была приколата пара сильно испачканных черных лайковых перчаток длиной до запястья.

Миллер остановился, чтобы забрать их, так как предположил, что они могли принадлежать обнаруженной в пруду девушке. Поспешно подобрав находку, он увидел шляпную булавку в форме четырехлистного цветка клевера с монограммой в виде буквы Х.

Грубер встретил Уайта и Миллера у края пруда с явным облегчением. Миллер снял шляпу, вытер пот со лба и, прищурившись, посмотрел на воду. Он заметил, что тело отнесло на восток от того места, где он видел его накануне.

Все трое молча уставились на частично погруженный в воду труп, не зная, что делать дальше.

Миллер, чувствуя, что должен взять на себя ответственность, наконец вышел из оцепенения.

– Давайте подтянем ее сюда, – сказал он.

Они вошли в мутную воду и оттащили тело на мелководье, поближе к плотине.

– Интересно, кто это? – произнес Грубер, нарушая напряженное молчание. – Кто-то из местных?

– Не могу сказать, – проворчал Миллер, – и думаю, мы не узнаем, пока не вытащим тело из воды и не перевернем, но пусть лучше это сделают власти.

Он огляделся, выигрывая время, чтобы подумать.

– Вы, ребята, оставайтесь с ней, – сказал он мальчикам, – а я попробую найти кого-нибудь в городе.

Он развернулся и быстро скрылся под горой.

* * *

Пока Грубер и Уайт ждали, новость успела распространиться, и к пруду потянулись любопытные местные жители. Одним из первых прибыл Эбенезер Мартин, мировой судья из Сэнд-Лейка. Вызвали Элиаса Б. Бойса, семидесятилетнего сельского врача, практиковавшего в этих краях почти пятьдесят лет. Тело вынесли на

берег, лицо наконец открыли, и доктора попросили взглянуть на жертву.

Глазам собравшихся предстало ужасное зрелище: кожа сморщилась и почернела, лицо застыло в жуткой гримасе, глаза вылезли из орбит и опустились на щеки, распухший язык высовывался изо рта. Труп начал разлагаться и сильно раздулся, вода просочилась через поры в кожу. Бойс, прикинув в уме, высказался в том смысле, что тело пролежало в пруду по меньшей мере несколько дней.

Доктор начал разрезать блузку от воротника вниз, но остановился, заметив розовую шелковую ленту, переплетенную с лифом надетого на корсет чехла. Лента была плотно обмотана вокруг шеи, чуть ниже подбородка. Тело настолько распухло, что лента врезалась в плоть мертвой женщины.

Бойс осторожно разрезал ленту.

В голове у него проносились самые разные мысли. Была ли ленточка обычным декоративным аксессуаром, который женщина носила на шее? Или убийца сорвал ее с корсета и использовал для того, чтобы задушить жертву? По спине старика пробежал холодок.

Так или иначе, в одном Бойс был совершенно уверен: дело нечистое, а значит, неизбежно уголовное расследование. Он посоветовался с Мартином, и мужчины решили поставить в известность коронера округа Ренсселер Морриса Х. Строупа, который в свою очередь должен был уведомить о случившемся офис окружного прокурора.

Бойс, хорошо ориентировавшийся на месте преступления, уже делал мысленные пометки. Шляпа с перчатками внутри лежала теперь на берегу, где ее положил Миллер. Следов видно не было, и Бойс отметил, что на разбросанных по берегу камнях тоже нет никаких особых отметин. Недалеко от берега, на песчаном дне, лежал кусок холста или марли, вырезанный в форме замкового камня; поначалу доктор принял его за длинную белую перчатку.

В то утро среди зевак у Тилз-Понд находился крепкий семнадцатилетний фермер из Табортона по имени Фрэнк Смит. Некоторое время юноша как замороженный смотрел на человеческие останки, полностью выставленные теперь на всеобщее обозрение. Даже в этих краях Смит считался персонажем эксцентричным, многие соседи принимали его за простака и даже деревенского дурачка.

Плотно сбитый юнец, который помог вытащить тело из пруда, знал мертвую девушку и даже разговаривал с ней в этом самом районе всего пять дней назад, когда она была одета в точно такую же одежду, которая скрывала сейчас ее мертвое тело.

И все же он не сказал ни слова.

* * *

Похоронное бюро братьев Ларкин, двухэтажное белое строение рядом со Старой дорогой (ныне дорога Трой – Сэнд-Лейк) в Аверилл-Парке, одновременно служило и городским моргом. За домом находился сарай, где собирали гробы, а рядом располагалась конюшня, бывшая для ее владельца, Уиллиса Д. Ларкина, чем-то вроде побочного бизнеса. Днем в субботу, 11 июля, Ларкина вызвали к пруду; там он погрузил труп на запряженный лошадьми катафалк и перевез его с горы к своему похоронному бюро, где должно было состояться вскрытие.

В 1908 году патанатомия была относительно молодой наукой. Совет здравоохранения Балтимора начал расследование подозрительных смертей в 1890 году, назначив двух врачей в качестве медицинских экспертов и поручив им проводить все вскрытия, запрошенные коронером. Но даже теперь, восемнадцать лет спустя, результаты аутопсии оставались ненадежными. В 1912 году, изучив три тысячи отчетов о вскрытии, выпускник Гарвардской медицинской школы по имени Ричард Кэбот обнаружил

«значительное количество классических, повторяемых на протяжении долгого времени ошибок в диагностике». Шестнадцать лет спустя Национальный исследовательский совет провел опрос, на основании которого пришел к выводу, что коронер в большинстве округов Соединенных Штатов «человек необученный и неквалифицированный», работающий с «небольшим штатом людей посредственных способностей и плохим оборудованием».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

INSPIRIA

УБИЙСТВО

ДЭВИД БУШМАН

УТИЛЗ-

МАРК ГИВЕНС

ПОНД

Реальная история,
легшая в основу «Твин Пикс»

 INSPIRIA

Примечания

1

Федеральный музыкальный проект (FMP) был частью проекта правительства США, в котором работали музыканты, дирижеры и композиторы во время от Великой депрессии до середины Второй мировой войны. Сотрудники проводили тысячи концертов, музыкальных занятий, создавали новые оркестры. *(Здесь и далее прим. ред.)*

[Вернуться](#)

2

Управление стратегических служб (УСС) – разведывательное управление США во время Второй мировой войны. Было сформировано для координации шпионской деятельности в тылу врага для всех родов вооруженных сил Соединенных Штатов.

[Вернуться](#)

3

Вашингтон Ирвинг – американский писатель-романтик, которого часто называют отцом американской литературы.

[Вернуться](#)

4

Герой одного из самых известных рассказов Ирвинга.

[Вернуться](#)